

МИР, ОРГАНИЗОВАННЫЙ ВОКРУГ ТЕКСТА

Сурат И. З. Манделъштам и Пушкин. — М.: ИМЛИ РАН, 2009.

Несколько лет назад, в рамках печатной дискуссии о проблемах современной филологической науки, развернувшейся на страницах журнала «Знамя», И. Сурат напомнила, в частности, о том, что «центральная внутренняя проблема филологии, главная ее методологическая проблема — напряжение между гуманитарностью и спецификой... как точной науки». Тогда, отсылая собеседников и оппонентов к мысли С. С. Аверинцева о парадоксальном единстве спецификации и универсальности в филологии («Ей принадлежит весь человеческий мир, но мир, организованный вокруг текста и увиденный через текст»¹), И. Сурат отметила: «Субъективизм, замкнутость в себе и ограниченность... в большой степени бывают характерны для сугубо специальных исследований, ставящих внутрифилологические задачи и сознательно избегающих сверхзадач и разговора о художественном тексте как картине мира»².

Автор рецензируемого издания профессор ИМЛИ РАН Ирина Захаровна Сурат известна сведущему читателю как один из видных ученых-пушкинистов, автор семи книг, внесших заметный и самобытный вклад в современное изучение русской литературы. Некоторые труды И. Сурат, связанные с составлением, научным редактированием и комментированием текстов, а также вышедшая в 2002 г. в издательстве «Языки славянской культуры» книга «Пушкин: краткий очерк жизни и творчества», выполнены в соавторстве с С. Г. Бочаровым, с которым у И. Сурат в последние годы сложился плодотворный творческий союз.

Рецензируемый труд выглядит как логическое развитие проблематики и методологии предыдущих работ, в частности вошедших в 650-страничный сборник «Вчерашнее солнце: О Пушкине и пушкинистах» (М.: РГГУ, 2009), в котором объединены наиболее значительные пушкиноведческие тексты И. Сурат, писавшиеся на протяжении двадцати лет. Именно сопоставление рецензируемого издания с предшествующими работами позволяет по-настоящему увидеть и оценить общий вектор исследовательских исканий автора. И. Сурат идет от «пушкинской парадигмы» (так озаглавлен первый раздел книги) как от базовой «матрицы» отечественной словесной культуры к ключевым явлениям в поэзии XX в. Ее интересуют типы и формы рецепции пушкинского наследия крупнейшими писателями пост-символистского поколения. Важной вехой на этом пути является небольшая, но чрезвычайно смыслоемкая работа «Пушкинист Владислав Ходасевич» (М., 1994;

¹ Аверинцев С. С. Филология // София-Логос: Словарь. Киев, 2009. С. 234.

² Филология: кризис идей? // Знамя. 2005. № 1. С. 48.

вошла в книгу «Вчерашнее солнце»). Уже там в достаточной мере проясняется специфика интереса исследовательницы к самому феномену «пушкинианства» в творческих исканиях крупнейших представителей неотрадиционалистского крыла русской словесности первой трети XX столетия. Чуть позже объектом пристального внимания И. Сурат станет поэтическое наследие О. Мандельштама. Первым серьезным результатом этих изучений оказалась книга «Опыты о Мандельштаме» (М.: INTRADA, 2005). К слову, заглавием своего главного пушкиноведческого собрания («Вчерашнее солнце») автор делает мандельштамовскую цитату³, маркирующую особое — сокровенно-трагедийное и благоговейное — отношение автора «Камня» и «Тристий» к «изумительной духовной реальности, которая на этом свете носила имя Александра Пушкина» (С. Л. Франк)⁴.

В качестве приоритетных для анализа и осмысления И. Сурат избирает линии, альтернативные авангардному дискурсу. Она пытается осмыслить тяготение к Пушкину со стороны поэтов «центростремительного», иерархического типа (Ходасевич, Мандельштам) как симптом поиска ими субстанциального ядра культурной традиции, а их творчество — как развитие, реактуализацию, дальнейшее раскрытие глубинных основ классического наследия. Впрочем, еще до своего обращения к литературе XX в. И. Сурат не замыкалась на пушкинистике как специальной и самодостаточной области знания. Весьма показательны в этом смысле названия многих ее работ, например: «Биография Пушкина как культурный вопрос», «Пушкин и Паскаль», «Пушкин как религиозная проблема», «О филологии с человеческим лицом» и т. д. Узкопрофессиональному спецификаторству, всецелой сосредоточенности на частных аспектах она осознанно предпочитает стремление к универсализации научной мысли, к целостному осмыслению — через конкретные художественные явления — всего пространства единой и христианской в своих истоках русско-европейской культуры.

Здесь отчасти наследуется то интегративное, духовно-универсальное отношение к пушкинской (и вообще литературной) проблематике, которое было свойственно лучшим русским мыслителям, культурологам и филологам-критикам первой половины XX в., таким как С. Франк, Г. Федотов, М. Гершензон, Ф. Степун, К. Мочульский, В. Вейдле. При этом И. Сурат нигде не соскальзывает в область отвлеченной философской эссеистики, оставаясь «при тексте» — в русле обстоятельного и полноценного литературоведческого анализа. Основную роль играют филологическая методология и филологический инструментарий. Все ключевые тезисы так или иначе вытекают из текстуальных наблюдений и базируются на фактах поэтики. И в этом автор рецензируемой книги, конечно, достойная наследница крупнейших отечественных ученых, историков литературы: В. Жирмунского, Ю. Тынянова, Б. Томашевского, Л. Гинзбург, С. Бочарова (примечательно, что практически все названные здесь специалисты в своих концептуальных построениях так или иначе отталкивались от пушкинской проблематики как от центральной и системообразующей).

³ Из стихотворения «Сестры тяжесть и нежность...» («Человек умирает, песок остывает согретый, и вчерашнее солнце на черных носилках несут»).

⁴ Об особенностях этого отношения, и в частности о соляной символике в контексте данной темы, речь идет в главе 1 («Смерть поэта») книги «Мандельштам и Пушкин».

В состав книги «Мандельштам и Пушкин», наряду с новыми статьями, вошли и те, которые были написаны ранее и публиковались до этого по отдельности. Объединение их в рамках одного издания позволяет лучше, яснее осознать концептуальную общность, принадлежность данных текстов к единому исследовательскому дискурсу или, если воспользоваться излюбленным термином С. Бочарова и И. Сурат, к единому «филологическому сюжету».

Во «Введении» (в качестве такового использован обзор темы «Мандельштам и Пушкин», специально подготовленный автором для будущей Мандельштамовской энциклопедии) отмечается, что Пушкин занимал «центральное место в системе культурно-эстетических ценностей Мандельштама»⁵. Исследовательница указывает на то, что «жизнь пушкинского слова принимает разные формы в стихах Мандельштама, от единичного... использования до прорастания пушкинских образов в цельные лирические сюжеты». При этом делается важная оговорка, что Пушкин почти никогда не является у Мандельштама «непосредственным предметом речи, но всегда — точкой отсчета, центром системы координат, камертоном, по которому настраиваются мысли и оценки явлений»⁶.

Книга состоит из трех разделов. Первый раздел — «Пушкинская парадигма» — посвящен рассмотрению больших пушкинских тем и метасюжетов в контексте творчества Мандельштама, таких как «смерть поэта», «жертва», «петербургский сюжет» и др. Автор прослеживает, как преломляются эти темы в мандельштамовском художественном мире, растворяются в мотивно-образной ткани и, обогащаясь новыми семантическими оттенками, получают новую жизнь. В первой главе раздела («Смерть поэта») И. Сурат возвращается к мысли о «совершенно особом, сверхстрогом отношении Мандельштама к имени Пушкина»: его поэзия «вся полнится Пушкиным... но имя Пушкина — почти неизрекаемое имя для Мандельштама...»⁷. Весьма существенным является наблюдение, что связь темы смерти поэта (в общем плане) со смертью Пушкина имеет у Мандельштама имплицитный, сокровенный характер и лишь едва уловимо «просвечивает» из подтекста. «Петербургский сюжет» рассматривается в рамках более широкого сюжетно-тематического комплекса, связанного с урбанистической проблематикой в целом, чрезвычайно актуальной для зрелого Мандельштама. В главе «Моцарт и Сальери» исследовательница вскрывает диалектику отношения автора «Тристей» к известной пушкинской коллизии, попутно полемизируя с расхожими, поверхностными трактовками классического сюжета, согласно которым Моцарт и Сальери противопоставляются как ангелический идеал художника и бездарный завистник. Во втором разделе книги — «Лирические сюжеты» — прослеживаются мандельштамовские лейтмотивы, метаморфозы некоторых излюбленных его образов, в том числе и пушкинского происхождения. Поскольку книга И. Сурат (и она специально оговаривает это в послесловии) не является монографией в строгом смысле слова, а сложилась из статей, написанных в разное время и по разным поводам, не все главы второй части выдержаны в плане сопоставления Пушкина и Мандельштама. Есть главки чисто мандельштамовские. Однако пуш-

⁵ Сурат И. З. Мандельштам и Пушкин. М., 2009. С. 5.

⁶ Там же. С. 11, 14.

⁷ Там же. С. 22–23.

кинская парадигма подспудно все равно остается системообразующей для ученого. Третий раздел книги уже известен читателю по предыдущему сборнику работ И. Сурат «Вчерашнее солнце». Там он назывался «Пушкин и три века русской лирики». Здесь название немного изменено — «Пушкин, Мандельштам и три века русской лирики». Добавление еще одного имени в заглавии в общем вполне оправданно, так как тексты Мандельштама фигурируют и детально анализируются практически во всех главах этой части, наряду со стихотворениями Г. Державина, А. Фета, Г. Иванова, А. Ахматовой, Н. Заболоцкого и др. (исключение составляет глава «Бегство в Египет»). Здесь отдельные творения рассматриваются в большом контексте русской поэзии. «Три века русской лирики, — писала И. Сурат в предисловии к данному разделу во «Вчерашнем солнце», — это XIX век, короткий Серебряный и наш современный... век». Там же она не без иронии признавалась: «Когда вся страна увлечена национальными проектами — что делать маргиналу-филологу? Ничего более национального, чем русская поэзия, у меня нет. “Три века русской лирики” — мой личный национальный проект...»⁸ Полгода спустя в предисловии к соответствующему разделу в книге «Мандельштам и Пушкин» И. Сурат заметила: «...внутри одного языка национальная поэзия образует единый текст... И в открывающейся под таким углом зрения картине Пушкин и Мандельштам предстают ключевыми фигурами, двумя фокусами единого поэтического пространства»⁹.

В заключительной заметке «Несколько слов от автора» ученый делает две оговорки: «У читателя... могут возникнуть недоумения, связанные с двумя обстоятельствами. Первое — проблемная текстология Мандельштама. На сегодняшний день нет ни одного издания, которое бы зафиксировало “правильные” тексты его произведений... В каждом отдельном случае приходится делать выбор между вариантами стихов и их названий — пусть не удивляется этому читатель. Второе... немалое количество повторов в нашей книге. Она сложилась из отдельных статей и этюдов, написанных в разное время, — каждый из них имеет свою тему, логику, композицию и может восприниматься самостоятельно. Одни и те же опорные свидетельства и цитаты входят в различные смысловые контексты и связи и не могут быть изъяты из цепи рассуждений»¹⁰.

Закончить рецензию хотелось бы еще одной цитатой из размышлений И. Сурат, озвученных в рамках дискуссии пятилетней давности: «Лично я всегда представляю Пушкина и Мандельштама своими читателями — как бы отнеслись они к моим статьям и книгам? Этот внутренний критерий мне помогает. И еще я знаю, что меня читают не только филологи... Я сочувствую тем, кому скучно читать современную филологию. Но писать ее мне пока не скучно»¹¹. Это высказывание талантливого ученого может быть воспринято как своеобразная, неакадемическая формулировка очень важного методологического принципа современной науки о литературе.

(О. Н. Скляр, Москва, ПСТГУ)

⁸ Сурат И. З. Вчерашнее солнце. М., 2009. С. 563.

⁹ Сурат И. З. Мандельштам и Пушкин. С. 300.

¹⁰ Там же. С. 367.

¹¹ Филология: кризис идей? С. 49.